

Уездный городок Кинешма В 1851 году

Кинешма, на Волге, с пристанью, на прекрасном местоположении, имеет полотняные фабрики, торговый город

*(См. «Краткую всеобщую географию»
К. Арсеньева, стр. 172)*

Издали, с Волги, Кинешма представляется большим каменным замком, построенным на высоком берегу озера, потому что городок этот кокетливо выставляет на набережную все лучшие свои каменные здания, а Волга простирается в этом месте в ширину почти до 400 сажень. Первое благоприятное впечатление, производимое этим городком издали, не уменьшается, но ещё увеличивается, когда ваша лодка, скользя по поверхности глубокой в этом месте Волги, останавливается прямо против него. Перед вами крутой правый берег Волги, на вершине его высится белая масса собора, прекрасная архитектура которого невольно привлечет ваше внимание; рядом с ним в одну линию виднеются два большие каменные корпуса присутственных мест, некоторые другие церкви и частные дома. У подножия этого крутого берега, в небольшой, но привольной, глубокой пристани стоит довольно много судов для того, чтобы дать нам самое выгодное понятие о торговле уездного городка. Здесь с развевающимися флагами спокойно качаются на волнах не только барки и расшивы, но даже две или три машины коневодные, как верный признак значительных купеческих капиталов, находящихся в оборотах хлебной торговли. Эта пристань, наполненная судами, придает ещё новую красоту, новый колорит местности. Главная и лучшая часть города расположена между двумя речками при впадении их в Волгу: текущая с восточной стороны называется по имени городка Кинешемкой, текущая с западной — Казакой. Из этого вы заключаете, что городок расположен на полуострове и не ошибаетесь в своём заключении, но не весь город, а только большая часть его, потому что за Кинешемкой находится его заречье и за Казакой принадлежащая городу Ямская слободка. На углу, образованном впадением Кинешемки в Волгу, на самом берегу последней, вы замечаете Церковь Успения Божией Матери, которая, красуясь на высоком, покрытом зеленью холме, со всех сторон окружённая кудрявыми деревьями, составляет прекрасное зрелище,

много прибавляющее к общему приятному впечатлению, производимому видом городка. С другой стороны Ямская слободка, живописно раскинувшись не по крутому, но, тем не менее, картинному берегу Волги, увеличивает красоту местоположения. Вы залюбовались бы этим небольшим городком, подъезжая к нему через Волгу в час солнечного восхода или заката, когда заря покрывает все прибрежные здания своим пурпурным плащом и особенным блеском сияют кресты Божиих храмов, или ночью, когда при полусвете месяца и звёзд все предметы, покрывающие берег, как бы тонут во мраке, и одно лишь здание собора с его высокой колокольной в неясных чертах обрисовывается перед вами.

Идя по берегу Волги мимо города, мы дойдем до угла, образуемого впадением в Волгу Казаки. Остановимся здесь: это одно из любимых и мест, откуда кинешемские мечтатели любят на природу. Вы на довольно высоком крутом холме: с правой стороны у вас широкая Волга, под ногами устье Казаки с тремя или четырьмя барками; против вас по ту сторону речки, у подножия довольно высокого холма, расстилается Ямская слободка, а вершина этого холма венчается двумя старыми толстыми разросшимися вязами; налево же, извиваясь зигзагами, прихотливо струится между своими крутыми берегами Казака. Вот спряталась она от ваших глаз под тенью густого кустарника, сбегавшего по скату берега к самой воде и прикрывшего её своими ветвями, вот вдруг блеснула серебряною полосой, а там дальше, у шумящего колеса водяной мельницы, разлилась широким прудом, живописно обсаженным купами деревьев и покрытого ближе к берегам болотными травами и цветами. Левый берег Казаки менее горист, как будто из подражания берегам Волги, и покрыт лугами и пажитями, напротив, правый высок, крут и совершенно скрыт от глаз густо посаженным на нём ельником и сосняком. Нужно ли говорить, что речка эта не судоходна: картина, рисуемая у вас перед глазами, объясняет это; вот корова самоуверенно и флегматично переходит через неё почти в самом устье, крестьянин в своей тележке свободно переезжает через неё, не обмачивая в воду ступиц колес, а вот два купающиеся мальчика тщетно стараются погрузиться в воду, хотя рост каждого из них немного побольше аршина. Стоящие в устье барки ничего не доказывают, потому что они не в силах двинуться ни шагу вверх по речке и принадлежат Волге, а не ей. С другого противоположного берега Казаки вид на Кинешму также не лишен красоты и оригинальности. Перейдемте же через речку по мельничной насыпи и, выбравши самую выгодную точку, взглянемте на город. С одной стороны вы видите на горе каменную ограду городского

кладбища с его небольшою церковью, с его кудрявыми зеленеющими деревьями, а с другой высится перед вами один из самых старинных храмов города, церковь Вознесения, между ними крутой песчаный обрывистый берег Казаки, по которому изгибается широкая дорога, а ещё левее, в небольшом пространстве, обрамлённом берегами речки, как бы через широкое окно, виднеется Волга с несущимися по ней судами и синеем вдали берегом.

Теперь мы сделаем переход через весь почти город, чтобы посмотреть на него с другой стороны, из-за реки Кинешемки; но не бойтесь, это дело весьма не трудное, потому что протяжение города, между двумя самыми отдалёнными точками его, не более версты. И так, пройдя всю главную улицу города — Московскую, миновав площадь его, мы подойдём к реке Кинешемке.

Чтобы перейти через неё, есть несколько путей: насыпь мельницы, небольшие мосточки, образованные из тоненьких жёрдочек, поставленных в воду козелками, на которые послано несколько тесинок, или наконец большой мост, составляющий главный путь для сообщения города с его заречьем. Кинешемка немного побольше и поглубже Казаки, но весной она широко разливается, особенно выше города, где левый берег её весьма плоск, и тогда потопляет не только мельницу и большой мост, но даже и прибрежные городские здания. Тогда для сообщения через неё нет другого средства, как на лодках, перевозящих и конных, и пеших. Но теперь лето, и мы смело можем идти по любому из помянутых путей сообщения. Чтобы скорее достигнуть цели, мы пойдем через легкие мосточки, называемые здесь вообще переходами. Прежде всего нам бросается в глаза красивый вид противоположного берега реки. Близ самой Волги он обставлен довольно нарядными домами, между которыми виднеются даже каменные. Далее вы видите огромные каменные здания прежде существовавших, но ныне упразднённых уже полотняных фабрик. А там ещё далее маленькие, стоящие в одиночку, среди зелени, домики, окна в два или в три. И всё это разбросано так живописно, так небрежно, всё это кругом в зелени! Перейдя через реку, вы должны будете подниматься, придерживаясь за деревянные перила, по лесенке, вырытой в горе. Этот путь приведет вас в старую сосновую рощу — к любимому месту гулянья кинешемских обитателей, к зданию, которое, вероятно, заинтересует ваше любопытство. Оно стоит в этой роще, хотя и недалеко от города, но довольно уединенно. Архитектура его напоминает вам обыкновенную деревенскую часовню, но в самом деле она весьма оригинальна и своеобразна. Здание это весьма уже ветхо; стены его

кругом исписаны разными стихами и изречениями, преимущественно направленными против раскольников. В нескольких шагах от этого здания, носящего в городе название кельи, вы видите другое, построенное весьма недавно и представляющее из себя простую деревенскую избушку. Между ними три надгробные простые памятника, кругом несколько кустов малины, несколько грядок с овощем, и всё это обнесено старою, как и самое здание, деревянною оградой и густою чащей сосновой рощи, также старой, хотя и не дряхлой. Чудное спокойствие царствует в этом месте, несмотря на то, что оно близко от города. Это спокойствие нарушается только лишь шелестом древесных ветвей да жужжанием насекомых. Прекрасный воздух вы вдыхаете здесь, наполненный смолистыми благовонными испарениями сосен: и отсюда-то, равно как и из ближайших мест, представляется то прекрасное зрелище, которым мы хотим полюбоваться. Но прежде зайдем в келью. Много десятков лет назад один кинешемский мещанин, побуждаемый религиозным чувством, искал уединения; но он, может быть, не в силах был в то же время расстаться со своим родным городом, и вот инстинкт указал ему самое прекрасное место, где он мог вполне предаваться уединенной молитве, жить почти пустынною и в то же время каждую минуту видеть тот город, в котором он родился, жил и состарился. Он-то и построил то оригинальное здание, которое поразило вас. Внутри оно также странно расположено, каким кажется и снаружи. Направо от входа в нижнем этаже маленькая комнатка, в которую пробивается свет только сквозь одно небольшое окошечко, остальное составляют темные сени. Ветхая и непрямая лесенка ведет вас наверх; там две тоже весьма маленькие комнатки, одна из них представляет в малом виде внутренность церкви со всеми её принадлежностями; в маленькой низенькой двери, ведущей в эту комнатку, врезано небольшое стекло призматической формы, через которое все внутренние предметы комнаты кажутся в радужной игре цветов. Это отделение, как и всё здание, было построено самим отшельником. Против этой комнатки — другая, столь же маленькая, Украшенная множеством образов и картин духовного содержания; она, очевидно, была местом отдыха или спокойного размышления и молитвы отшельника.

Впоследствии место этого первого пустытника заменили другие, и их-то тела покоятся под теми надгробными камнями, которые мы видели. Во вновь построенной избушке живёт в настоящее время старичок, и каждый почти день можно видеть его сгорбившуюся от лет фигуру с посохом в руке, когда он идёт на молитву в собор: ни зимняя метель и

стужа, ни осенняя грязь и непогода, ничто не останавливает старика! Но посмотрите: какая очаровательная картина представляется ему, лишь только выйдет он из небольшой рощи, которая окружает его жилище. Весь город с его церквами и домами виден как на ладони: можно указать каждое здание, назвать каждую церковь. С правой стороны рамой ему служит всё та же красавица Волга, с левой — густой сосновый бор, разросшийся позади самого города, а со стороны, обращённой к вам, подножие того пологого холма, по которому он раскинут, охватывается, как лентой, спокойною в своём течении, ровною в своей ширине Кинешемкою. Эта панорама меняет свою обстановку с каждым шагом, который вы делаете, как будто вы переменяете стекла, через которые смотрите на неё: то большое пространство волги обрисуеться перед вами, то на далеком протяжении видна извивающаяся Кинешемка, а Волга почти скрывается за деревьями, лишь изредка проблескивая сквозь их чащу; один лишь только город виден во всём его объёме.

Наконец вы знакомы с городом. Но чтобы дать вам понятие об его окрестностях, мы взглянем ещё на одну картину. Мы пойдем в тот сосновый лес, который лежит позади города, или бор, как его здесь называют. По известным нам тропинкам мы должны будем пройти чрез него около версты. Ваше внимание уже утомилось однообразием этих вековых, частых деревьев, которые тянутся так долго по обеим сторонам нашей дороги, но за то тем поразительнее эффект картины, которая вдруг и неожиданно разовьётся перед вами. Лес нисколько не разредел, но вдруг и он, и ваша тропинка прекратились у крутого обрыва голой песчаной горы. Вы смотрите вниз. Там расстилается обширная зелёная долина: по ней прихотливо вьётся та же Кинешемка голубою лентой, обведённою, как бордюром, мелким, но густым кустарником, растущим только по её берегам.

Но эта речка вдруг встретила препону на своём пути в мельничной плотине и разлилась широким, почти правильно круглым озерком, и там дальше, стекая в узкие ворота мельницы, с шумом крутит её колеса и потом снова течёт ровно голубою лентой. Гул от мельничных колес доходит до вашего слуха, лелея его своей неопределенною гармонией, особенно сладкой и понятной в те минуты, когда всё безмолвствует в окружающей вас природе. Далее за рекою долина изменяет свой вид, и переходит в холмистые возвышенности, которые окружают её и с левой стороны. На этих неровностях раскидано в самом живописном беспорядке несколько деревенок с её неизбежными атрибутами. вот чёрная полоса вспаханного пара врезалась в нежную зелень луга и

уперлась в кудрявый мелкий кустарник. Рядом с ней красуется целый холм, покрытый спеющею золотою жатвой, которая, как будто потоки растопленной меди, ручьями сбегает с краёв его и течет среди зелёных и чернеющих пространств неводеланного поля. дальше невысокий, но ярко-зеленый перелесок берёзняка пересёк целое море жатвы, и кажется он вам оазисом среди песчаной пустыни. А вон пыльная дорога вьётся среди изгородей поля; она идет или в лес, или в поле, или в соседнюю деревню; медленным шагом, едва двигая ноги, тащится по ней крестьянская лошадка, влача тяжёлый воз какого-то жита, или скачет она презабавным курц-галопом, понукаемая сидящею на ней верхом босоногою девчонкой. И самая речка не лишена некоторой жизни: вот два или три стада ищут отрады от жгучего летнего жара в холодных струях её, и флегматичные коровы и добродушные овцы, забравшись по горло в воду, равнодушно смотрят на чудную картину, не сознавая, конечно, как много они содействуют её красоте... Направо от вас долину ограждает продолжение той же песчаной возвышенности, на которой стоите вы, и в этой ограде есть своя прелесть. Смотрите: вот оборвалась она весьма крутым утёсом, вот выбежал изнутри её песчаный гребень, как будто контр-форс в каменных укреплениях, там дальше запала внутрь тёмною полосой глубокая осыпь, ещё дальше полукругом изгибается по ней, идя вверх, ровно вырезанная дорога и скрывается в чаще леса. В иных местах эта возвышенность в скатах своих остаётся совершенно голою, обнажённою, в других украшена от вершины до основания Или высокими прямыми соснами, или прихотливо искривленными елями, или колючим мелким кустарником. Не правда ли, что всё это кажется вам миниатюрным отрывком из видов Швейцарии? Но эта долина, очаровательная днем, при ярком сиянии солнца, наполнит вашу душу ещё большим восторгом, когда вы взглянете на неё вечером при солнечном закате, когда все цвета природы получают новые силы, новую прелесть, или в тёмные сумерки и даже ночью, когда даль сливается с небосклоном в тёмный непроницаемый мрак, и ярко блестят среди этого мрака зажжённые в деревьях огоньки, когда луна высоко всплывает на небо, серебрит поверхность реки, освещает ближайшие предметы и придает им бледный, матовый колорит, когда всё тихо в природе, и чудною гармонией говорит вашему слуху гул мельничного колеса...

Теперь, когда вы познакомились с местностью города, считаю не лишним сообщить несколько данных о его исторических памятниках и преданиях. Но их немного. Время основания города неизвестно: была ли тут прежде деревенька или какая-нибудь рыбацья слобода, образовалось

ли из неё впоследствии торговое местечко, село, возведено ли, наконец, это село в степень городка, сначала заштатного, а потом и уездного, или Кинешма не проходила этих ступеней иерархии, но прямо родилась городом — всё это покрыто мраком неизвестности. Местные исследователи говорят, что в летописях наших имя Кинешмы встречается только в XV столетии. С открытия губерний Кинешма причислена к губернии Костромской. События первой половины семнадцатого века оставили после себя незабываемый памятник в сердце самого города. На площади его, близ Казанской или Крестовоздвиженской церкви, вы видите каменную часовню, представляющую собою форму островерхого шатра и увенчанную позлащённым крестом. Над железными решетчатыми дверями её вы замечаете голубую доску с какою-то надписью. Вот содержание этой надписи: «В 1609 году разорена Кинешма при воеводе Фёдоре Бабарыкине паном Лисовским, и сия часовня устроена над избитыми. Начальная сшибка была в двух верстах от города, где и водружён крест. В 26-й день мая, т.е. в день события, ежегодно совершается здесь панихида, по преданию предков». По источникам более достоверным, это событие должно быть отнесено к 1608 году. Город оказал сильное сопротивление неприятелям, и потому мог быть взят только приступом, причём многие из жителей погибли самою мучительною смертью. Той же участи подверглись жёны и дети. Первоначальная стычка, как сказано выше, происходила в двух верстах от города в известном уже нам сосновом бору. Жители города с благоговением останавливаются пред ветхим деревянным крестом, поставленным на этом месте. Тут же по близости находился, говорят, и неприятельский стан, между тем как стан защитников города лежал на другой, противоположной стороне, на правом берегу реки Кинешемки, близ известной уже нам пустыньки. На том и другом месте, указываемом преданием, отрыто несколько древнего оружия, в чем думают видеть факт, подтверждающий достоверность предания.

Часовня, поставленная над телами убитых, составляет для жителей место особенного благоговения. Ни один из них, отправляясь в путь, или возвращаясь из него, не проезжает мимо часовни, чтобы не зайти в неё и не прочитать свою молитву просьбы или благодарности пред древним массивным распятием. И какое отрадное чувство должно наполнять душу молящегося кинешемца, когда он распростирается на кирпичном полу часовни, над прахом неизвестных, но тем не менее славных подвигом и смертью, своих предков! Хотя на вышеупомянутой нами надписи и сказано, что панихида в память убитых совершается в часовне 26-го

мая, но народный обычай перенёс это торжество на последнюю среду пред Вознесеневым днем. Среда, торговый день в городе, созывает огромное число крестьян из окружающих деревень, и они с верою и усердием молятся за упокой убиенных. Некоторые женщины, как бы в ознаменование печали по усопшим, повязывают в этот день свои головы белыми платками. Часовня эта принадлежит Крестовоздвиженской церкви, имеет очень много усердствующих вкладчиков и богомольцев, поэтому доставляет значительный доход церкви. По средам в ней обыкновенно совершается несколько молебнов усердными крестьянами, которые даже издалека приносят своих больных малолетних детей, чтобы у подножия креста испрашивать им исцеления и здоровья. В недавнее время часовня эта изнутри и снаружи обновлена и исправлена; но деревянный крест, поставленный на месте побоища, довольно ветх и от времени почти разрушился. Некоторые исследователи предполагают, что город был прежде обнесен земляным валом и сухим рвом, следы которых ещё и теперь приметны, по мнению их, на высокой набережной города. Впрочем, туземные жители затеряли память об этом древнем украшении, своего города, и то место, где некогда проходил, вероятно, ров, называют попросту оврагом. Вот все исторические данные, которые известны относительно Кинешмы, вот все предания, сохранившиеся в памяти жителей; всё остальное о прошедшей жизни городка покрыто мраком неизвестности, а потому мы по необходимости должны обратиться к современному его состоянию.

Жителей в городке считается в настоящее время слишком 3 1/2 тысячи душ мужского пола. Все это народонаселение располагается в 300 домах с небольшим, из числа которых около 40 каменный остальные деревянные. Вообще вид городка весёленький, чему много помогают Волга и две другие речки, так прихотливо украшающие и разнообразящие его местоположение. К тому же он не стеснен; умеет выставить на вид свои лучшие здания и спрятать где-нибудь сзади в слободах и переулках необходимые в уездных городах так называемые домики и лачужки. Немногочисленные улицы его ширины ровны и прямы, и все они сходятся на площади. Последняя почти вся кругом обставлена каменными зданиями и тремя церквями: Крестовоздвиженской (в простонародии — Казанской), Воскресенской (в простонародии — Никольской) и Благовещенской. Последняя из них существует слишком 160 лет. Лучшее в городе здание — это его прекрасный собор. Он помещён, как уже было сказано, на высоком берегу Волги, и состоит из двух храмов — холодного во имя Успения Божией Матери, довольно древней постройки, и тёплого во имя Святой

Троицы, недавно воздвигнутого. Последний весьма красивой архитектуры и вместе с высокою, стоящею совершенно отдельно колокольнею весьма эффектно обрисовывается на берегу, когда смотришь на него с Волги. Всех храмов в городе, считая в том числе соборы и церковь кладбища, девять. Самая древняя из них, вероятно, Вознесенская, что вы легко отгадываете по её архитектуре; впрочем, совершенно точных сведений в этом отношении, за неимением данных, мы сообщить не можем. Церковь Вознесения некогда принадлежала к девичьему монастырю, в настоящее время упразднённого. Лучшими каменными домами должны считаться два казенные корпуса, поставленные на набережной, почти рядом с собором, и старинный огромный дом купцов Талановых. Нельзя не упомянуть также о зданиях прежде существовавших полотняных фабрик купцов Грязновых, Талановых и Зверковых. Говорят, не сколько десятков лет тому назад в этих зданиях деятельно происходила фабрикация фламских полотен и равендуку. В настоящее время это производство уже не существует, и обширные, но пустые и полуразрушенные здания уныло напоминают прежнюю кипевшую в них деятельность. Впрочем и теперь ещё они много служат к украшению города, и, помещаясь на высоком берегу Кинешемки среди окружающей их зелени, представляют весьма красивую картину. В одном из этих зданий в настоящее время помещена городская больница. По дороге от Волги к центру города вы заметили бы три большие каменные корпуса, в которых помещаются городской лавки, и которые вообще называются рядами. Само собою разумеется что большая часть этих лавок не занята в обыкновенное время открывается только во время ярмарок. Самая значительная торговля в городе хлебная, а потому и лавки преимущественно заняты хлебным товаром. Но кроме каменных лавок, на самом берегу Волги, построено ещё несколько деревянных, которые называются «обыкновенно балаганами, и в которых также торгуют хлебом. Сверх того вы замечаете ещё ряд деревянных лавок, наполненных разного рода товаром, и в зданиях, принадлежащих Крестовоздвиженской церкви, еще несколько каменных, так что по всему этому, согласитесь, вы непременно должны будете составить самое выгодное понятие о торговле городка, в котором с небольшим три тысячи жителей. Но об этом после, а теперь не хотите ли пройтись по городу, чтобы иметь какое-нибудь общее впечатление о его жизни и деятельности?

Впрочем, вы человек заезжий. Вам, я думаю, давно уж хочется отдохнуть, и вы ищете глазами гостиницы, где бы могли остановиться, спросить чаю или поскорее броситься, если и не на мягкую, то по крайней мере, опрятную постель. Милости просим. Здесь есть гостиница с

вывеской, на которой написано: вновь открытая гостиница, хотя открыта она без малого пятнадцать лет назад. Эта гостиница похожа на все прочие, существующие в уездных городах. Деревянная, выкрашенная дикою краской, с балконом, на котором красуется помянутая вывеска, с неизбежным мезонином, она в архитектуре своей имеет впрочем некоторые особенности. Взгляните на неё роскошный, хотя несколько грязный вход прямо с улицы. Широкая, почти в длину всего наружного фасада, лестница в шесть или семь приступков, с верхней площадки которой поднимаются четыре деревянные, не существующего ещё ордена, колонны, поддерживающие балкон, эта лестница представляет что-то такое... не знаю, что именно, но что-то такое... не принадлежащее к обыкновенному типу гостиниц уездных городов. Войдите. Прямо перед вашими глазами буфет, довольно грязный, налево — комната с обыкновенными некрашеными столами, покрытыми, впрочем, салфетками, которые, напротив, чересчур разукрашены разными пятнами — следами трактирного гостеприимства; направо — то же самое. Вы спрашиваете себе отдельной комнаты. — Здесь нет никаких комнат-с! — отвечает вам господин в фартуке, с весьма живыми манерами и с весьма длинными, гладко примазанными маслом волосами. — Пожалуйте на постоялый двор. Там можете найти и комнату, а здесь комнаты не отдаются.

Таким образом вы догадываетесь, что это не гостиница, а трактир, который только так, немножко своевольно, назвался гостиницею. Впрочем, проезжающие господа иногда останавливаются здесь, чтобы, пока переменяют лошадей, выпить чаю, съесть порцию селянки, в которой самые главные материалы составляют говядина и перец, чтобы с удовольствием отвесть стерляжкой уши, действительно вкусной и сваренной из живой, только что наловленной в Волге рыбы. Главные же посетители этого трактира: какой-нибудь закутивший господин, вечно-пьяный мастеровой, охотник позабавиться чайком лавочник, получивший на чай, и любитель хорошей компании ямщик, и преимущественно зажиточные посетители средних, т.е. торговых дней окружные синие чуйки и пуховые, немного помятые и взъерошенные шляпы. Дублённый, а тем более простой овчинный, полушубок не любит посещать эту гостиницу: он ещё не совсем привык к чаю и хоть пивал его с приятелем чашек по двадцати за раз, но предпочитает гостеприимство соседа и соперника трактира, выбежавшего на самую площадь и залихватски подбоченившегося на скате пригорка, примирителя ссорящихся и возмутителя дружбы — питейного дома. Вы идете отыскивать постоялый двор; он недалеко, и вам его тотчас укажут. Крытый тёмный двор скроет

ваш экипаж, а самим вам отводится комната за весьма умеренную плату — двугривенный или четвертак в сутки. В этой комнате вы найдёте всё, что находят обыкновенно во всех номерах постоялых дворов: стол красный, исцарапанный ножом, резавшим какие-нибудь часто сопровождающие путешественника холодные яства, стены, исписанные от нечего делать карандашом, приготовленным для записки приходов и расходов; две картинки, изображающие каких-то полководцев с целою баталиею, происходящею под их ногами среди ужасной тучи дыма; далее два — три калеки стула, расшатавшаяся без тюфяка кровать и иногда, для разнообразия, изразцовая лежанка. Из окна такой комнаты вы видите или улицу почти постоянно пустую, а влево часть Волги с несущимися по ней судами, или единственную городскую площадь. Отдохните же пока теперь, а завтра взглянете на город: кстати же, завтра — среда, день базарный.

...По обычаю всех путешественников, действительных и фантастических, которым должно делать различные наблюдения, или которым суждено ночевать в номере постоялого двора, вам не спится, и вы оставляете свою, скрипящую при каждом движении, кровать с первым появлением солнечных лучей. По тому же обычаю вы с озабоченным видом раскрываете окно. Разумеется, на вас тотчас пахнет свежий, отраднй утренний воздух, и вы с наслаждением вдыхаете его своими лёгкими. Вы смотрите из своего окна на город и ждёте впечатлений. Окна вашей комнаты выходят, без всякого сомнения, на то пространство, на котором вы хотите делать свои наблюдения... В настоящем случае вы видите в них небольшую городскую площадь. На середине площади вы замечаете несколько крестьянских телег, которые съехались сюда ещё до зари и привезли сюда разные продукты деревенской промышленности и сельского хозяйства. С каждой минутой количество этих телег увеличивается вновь приезжающими. Лениво здороваются между собой знакомые мужички, ещё ленивее чешут свои затылки и только одним киванием головы перебрасывают свои шляпы с одного уха на другое. Русский люд не разговорчив, когда бывает занят каким-нибудь делом или готовится к нему. Город ещё не проснулся, и мужички, только что приехавшие, отпрягают своих лошадей или, развязавши только супонь их хомутов, дают им по охапке сена, и потом, разложивши и приготовивши к продаже свой товар, усаживаются или на своей телеге, или на колесе её, или просто на земле и начинают жевать привезённый из дому ячный коlob или конец ржаного пирога с луком, лишь только изредка перекидываясь какими-нибудь отрывочными фразами. Но вот раздался удар колокола к заутрени, повторился в другой церкви и во всех

остальных. Мужички перекрестились. В городе оказалось движение. Вот медленно поплелась в церковь старушка; вот, громко хлопнувши калиткой, выбежала хлопотливая мещанка и мелкою рысцей пустилась на базар, чтобы пораньше захватить всё нужное; вот что-то стала она торговать у мужичка, и нескончаемым источником полилась её бойкая, визгливая речь, в которой слова, казалось, гнались одно за другим и старались опередить друг друга; вот с шумом распахнулись обе половинки ворот господского дома, неподвижно остановилась среди их заспанная, неумытая физиономия кучера, апатично посмотрела во все стороны, почесала затылок, зевнула, перекрестилась на одну из церквей и ленивым шагом скрылась из глаз внутри двора, а через несколько минут снова явилась, стоя на роспусках сзади пустой бочки, которая страшно грохотала, подпрыгивая по мостовой: неистово поддёргивал возжами заспанный кучер и без жалости погонял бедную, находившуюся в его распоряжении живо. тину, а потому и скоро скрылся из ваших глаз. Но вот на место его через площадь, по направлению к лавкам, потянулось несколько очевидно, купеческих жирных лошадей, запряжённых в роспуски с сидящими на них молодцами, которые, вероятно, должны будут перевозить из лавок на мельницу кули не смолотого ещё хлеба. Вот пробежала калачница с корзинкой, полной калачей особенной формы, напоминающих турка, сидящего с поджатыми под себя ногами. Потом из всех улиц, по направлению к площади, потянулись весьма разнообразные фигуры: то в виде старого красного салопы, то в виде какого-то капота или душегрейки, то в виде шинели, чуйки, длинного или более короткого сюртука. Всё это спешило покупать, всё это начинало торговаться, кричать, перебивать друг у друга покупку, так что спокойная недавно площадь превратилась в какое-то шумное побоище.

Шумная деятельность рынка около полудня начинает мало по малу ослабевать, потому что в это время почти все жители города успели закупить всё для себя нужное, и кумушки-мещанки, главные виновницы базарного шума, возвращаются домой с своими покупками, которые иногда стоят не более 5 коп. асс., но отняли у них несколько часов времени. Эти кумушки теперь разве где-нибудь на перекрестке ещё остановятся потолковать друг с другом, потужить о своих горях, посудачить своих знакомых и весь люд городской. По заведенному порядку, в права покупателей на базаре с 12 часов вступают городские торговцы, которые скупают всё, что осталось у мужичков не распроданного, для того, чтобы после в дни небазарные перепродать с барышем непредусмотрительным хозяевам, прогулявшим дешёвые цены на

базаре. Около двух часов мужички собираются по домам, но в это время их физиономии совершенно изменились: из угрюмых они сделались светлыми и улыбающимися, из молчаливых — крайне разговорчивыми, из враждебных или по крайней мере равнодушных — необыкновенно нежными. Это значит, что мужички успели уже побывать в гостеприимном до мике, который рано по утру так приветливо подмигивал им своим полуоткрытым окном. В нём давно уже и шумно и весело, и дикие нескладные звуки распеваемой в нём песни доходят даже до вашего слуха. Впрочем, всё то, что вы видели — картина миниатюрная. Летом мужичок занят полевой работой, для него дорога каждая минута, а потому он неохотно едет на базар в город, но зимою уже никак и ничто не удержит его в этот день дома. Зимою, в среду, вся городская площадь бывает заставлена саями, и остается лишь весьма тесное пространство для проезда. Зимою каждый крестьянин хоть что-нибудь да везёт в город на продажу. Тогда вы увидите на базаре целые горы корзин, корыт, лукошек, решёт, сит и проч., целые возы горшков и разной глиняной посуды; далее сено, дрова, разного рода хлеб и пр. и пр., одним словом, по русской пословице, всякого жита по лопате. Есть некоторые среды, как, например, на святках, на масленице, во время ярмарок, называемые гулящими: на них съезжаются уже не столько с целью продавать и покупать, сколько ради гулянья. В эти среды приезжают погулять, т. е. выпить, пощёлкать орешков, пожевать пряников, и новобрачные: муж в своей синей чуйке, подвязанной красным кушаком, жена в самом лучшем штофном сарафане, в шёлковой душегрейке, в кокошнике, который покрывается на золоте платком, или просто повязанная французским двуличневым платом. Вот тогда весело посмотреть на кинешемский базар, и картина его представится вам в настоящих своих размерах.

Вы хотите знать покороче самый город и выходите на улицу. Но прежде всего вам нужно заметить, что город построен на грунте весьма песчаном, так что одна из его улиц, по причине особенного избытка песка, называется просто Песочной. Впрочем, и на многих других улицах ваша нога будет глубоко тонуть в песке. Вы идёте. Везде тихо, пусто, небо ясно; солнце ещё не жжёт. По естественному чувству вы направляете свои шаги на берег Волги. Вот вы поравнялись с собором, проходите чрез его ограду и выходите на берег Волги. Издалека долетает до вашего слуха заунывный мотив бурлацкой песни. Вам хочется сесть, полюбоваться и задуматься. Немного в стороне, на набережной, вы замечаете что-то в роде распланированного или проектированного сада: как будто назначены дорожки, расставлены в разных местах веги,

обозначены столбиками места, где должны быть лавочки. Но, подходя ближе, вы убеждаетесь, что ошиблись. Это не проектированный только, но уже разрушившийся сад, это — бульвар, как называют его в городе. Несколько лет назад один любитель общественных удовольствий задумал устроить на набережной Волги бульвар. Для исполнения этой мысли как следует обнесли назначенное место оградой, обрезали дорожки, построили лавочки, стали сажать деревья. Но почему-то предприятие не увенчалось успехом. Деревья не захотели расти и оставили вместо себя одни лишь тоненькие жёрдочки которые вы и приняли за вехи, лавочки рассыпались, ограды развалились, дорожки покрылись мягкой муравой, конечно гораздо более красивой, нежели щебень и песок, которыми усыпали было их. Вместо сада образовалось тучное пастбище. А прежде, бывало здесь любило гулять кинешемское общество, любило сидеть на полукруглой лавочке, под сенью тогда ещё ветвистых акаций, любило прогуливаться по аллеям, тогда ещё исправно обсаженных юными берёзками, любило останавливаться на одной главной аллее пред высокою, вошедшею уже в полную силу берёзой, которая, по воле судеб, высилась на самой середине дорожки, и хотя несколько стесняла её и служила немалым препятствием для гулявших, но тем не менее была и украшением всего бульвара. Эта берёза окружена лавкой, на которой отдыхали старшие из гуляющих, между тем как в то же время младшие, вскакивая на эту скамейку, любили отыскивать на стволе берёзы цифру 1824, которая была вырезана тем, кто посадил её, и означала год водружения дерева на новой почве. Иногда в былые годы устраивались здесь гулянья: высшее общество городка на собственные деньги предлагало себе угощение, доставало музыкантов и, любуясь своею очаровательною Волгой, прохладяясь мороженым и разными питьями, ходило взад и вперёд по главной аллее, весело беседовало и даже, сбрасывая обычный этикет, от души потешалось горелками и разными тому подобными невинными играми. Вечером в такие дни бульвар иллюминировали, что, как рассказывают очевидцы, составляло очаровательное и величественное зрелище... Но не только на этом бульваре останавливаются воспоминания кинешемцев о былых летних удовольствиях. Они показали бы вам одно место за рекой Кинешемкой, недалеко от знакомой уже вам сосновой рощи и находящейся в нём пустыньки, где на открытой поляне, окружённой зеленью, на краю высокой горы, откуда виден весь город и Волга и Кинешемка, возвышался некогда деревянный вокзал.

Весело было тогда городу: весь он собирался сюда в известные дни, и в то время как высшее общество танцевало в вокзале, остальное водило

хороводы, качалось на качелях, весёлыми разнообразными группами усаживалось на поляне с запасом разных вкусных лакомств. Вообразите же себе эту оживлённую картину, и вы поймите то чувство сожаления, с которым кинешемец вспоминает об том минувшем удовольствии, и ту любовь, с которою он повторяет имя особы, умевшей возбудить это общее веселье... Теперь уже и дедов не осталось от этого вокзала: года два или три назад стоял тут по крайней мере столбы, врытые в землю, на которых было основано здание, а теперь и их нет, ушли ли они в землю, или понадобились кому-нибудь на новую постройку... неизвестно. Былое удовольствие на этом месте напоминает лишь изредка в летние праздники, и преимущественно в Духов и в день Всех Святых, когда все почти кинешемское народонаселение стекается сюда, как на любимое место своих прогулок. Разнообразное общество ходит степенно по поляне и соседней с нею рощей, заходит к отшельнику, вызывает его на беседу, и часто, усевшись кругом его на зелёной траве, слушает простую, но складную и умную речь старика. Иногда и в простые дни целые семейства приезжают сюда напиться чаю. Выбирают в роще самое тенистое и удобное место, садятся в кружок, и на сцену является неизбежный самовар... Любите ли вы смотреть на дружную семью, усевшуюся где-нибудь в леску, под сенью деревьев, кушать свой чай? ... Не знаю как вы, но для меня это зрелище представляет особенный интерес. Воздух душист и прохладен, самовар как-то особенно шумён и болтлив, все лица как-то добродушны и веселы, беседа беззаботна и текуча... Право, очень хорошо! А если ко всему этому чудесный вид на окрестность, умная речь хорошего рассказчика, или, как здесь часто бывает, складная беседа старика, от которой так отрадno на душе и легко на сердце... Не мудрено, что кинешемцы любят ездить с чаем за реку. Но для кинешемца везде чудесное гулянье. Впрочем, бульвар свой он редко посещает, может быть потому, что он обманул его ожидания. Были неоднократно попытки привести дорожки в надлежащий вид, но, впрочем, безуспешно: работа шла обыкновенно весьма медленно, и случалось не раз, что пока освобождали от травы последнюю половину дорожки, на первой, очищенной, вновь вырастала зелёная мурава.

Бульвар, равно как и остальная набережная Волги, бывает особенно оживлён, наполнен народом и представляет место живого любопытства весною, когда Волга начинает снимать свою зимнюю оболочку, когда идёт лёд. Глухой шум и, по временам, страшный треск доходит до вашего слуха, лишь только вы приблизились к берегу реки. Сначала вы видите, как лёд двигается, как бы огромною сплошною массой; потом эта ледяная

движущаяся масса разбивается на огромные куски: они как бы борются между собою, сталкиваются, с шумом и треском расшибаются на мелкие части; последние скучиваются, растут целыми горами, надвигаясь одна на другую но вот новая огромная масса врывается в эту гору, разрушает ее, разбрасывает её с необычайною силой, или срезывая её вершину несёт её на своём хребте, и тогда вам кажется, что какое-нибудь чудовище, выставив из воды лишь одну свою громадную спину, как пёрышко подняло на ней целую гору льда и тешитя своею силой. Но смотрите: вдруг огромные массы льда стеснились в берегах, лёд спёрся — образовался затор. Движущаяся масса льда разорвалась на двое: верхняя остановилась, как бы по мановению волшебного жезла; нижняя, увлекаемая неудержимою силой, скрылась из глаз и, освободив поверхность реки, дала ей снова увидеть Божий свет, которого она не видала целых шесть месяцев. Но не надолго. В верхней части движение продолжается: массы льда напирают сзади; большие или топят меньшие в пучине, или выбрасывают их одну на другую, образуя как бы высокую насыпь или мост поперёк всей Волги. Но вот наконец этот барьер не в силах более удерживать напора задних льдин: с шумом прорывается он и с неистовством, с неимоверною быстротою несутся снова ледяные массы, и снова закрывают свет от взоров Волги. А вот, взгляните — печальная, грустная картина: неосторожный хозяин не успел поставить в безопасное место свою барку или расшиву; лёд сорвал её с каната и затянул в свою средину. Колеблясь, робко, как будто со страхом, движется она среди мелких кусков льда, облепивших её со всех сторон: и напрасно надеется хозяин спасти её от гибели, напрасно отчаянным голосом молит о спасении неосторожный, бывший на барке в то время, как её увлекло силой льда — нет доступа, и никакая человеческая сила ничего не может теперь сделать. Есть одна надежда на спасение, но и она не верна: соскочить на лёд и перепрыгивать со льдины на льдину, рискуя каждую минуту оборваться, оступиться, быть сшибену и потом раздавлену, изувечену... о, страшное предприятие! и только близость смерти неизбежной, ужасной, может дать твёрдость броситься на другую смерть, по крайней мере, насколько более отдалённую. И вот несчастный решился: он соскочил на льдину, он колеблется, теряет равновесие... Вы — весь внимание, чрез вашу душу проходят все ощущения несчастного, у вас захватило дыхание, вы молитесь за него, вы протягиваете к нему руку, забывая, что сотни таких рук не выручат его, вы кричите, зовёте, ободряете его, забывая, что вокруг несчастного такой шум, что он не мог бы услышать и тысячи голосов... Увы, он скрылся от ваших глаз, он

потонул, всё кончено!.. Но нет — это огромная льдина прошла невдалеке от несчастного и заслонила его собою. Вот он опять вам виден, он уже ближе к берегу, и снова ужас борется в вашей душе с надеждою Ещё несколько минут страха, сомнения- и вы отдыхаете. Он спасён, говорите вы своему соседу. Вы радуетесь этому, как будто спасённый был ваш родной брат; и тогда только вы понимаете, как люди близки между собою... А между тем барка давно сокрушилась: большие массы льда крепко сжали её, и она рассыпалась, как будто была построена из тростника и щепок. Кстати посмотрите на противоположный берег. Видите ли вы там, на самом верху горы, прямо против города, небольшую деревеньку?.. Она называется Олекино. Мужички её так привыкли к воде, или, лучше сказать, к Волге, что решатся перевезти вас чрез неё и осенью, когда слабые холода покрыли реку самою хрупкою корой, которая трещит и даже проламывается при каждом шаге, и весною, когда двинулся лёд. Они переправят вас или пешком, или в экипаже, или на лодке, смотря по времени года и возможности; они отваживаются на такой подвиг даже тогда, когда, по-видимому, не представляется к тому никакой возможности. А между тем олекинцы, если берутся, всегда успевают в своём предприятии, и несчастий или неудач в этом деле почти никогда не случается. Перевезти же чрез Волгу во время затора на лодке или перейти чрез неё в это время по льду — дело самое обыкновенное, и на него пускаются даже и не олекинцы. Впрочем, как не вспомнить слова Гоголя: „Эх, русский человек не любит умирать своею смертию!“ Эффект движения льда не менее поразителен и на реке Кинешемке. Так как речки, впадающие в Волгу, вскрываются прежде, нежели последняя, и большею частью довольно быстро и неожиданно, поэтому и не всегда успевают принять к этому времени надлежащие предосторожности. Вследствие этого лёд в своём движении почти всегда разрушает мельничные плотины, и часто поднимает лодки и барки, которые хранятся в устье речки, или на её берегу. Но лёд Волги ещё не тронулся и твёрдою стеной встречает ледяные массы Кинешемки. С силой напирают последние на эту стену, но сила их немощна; они разрушают в дребезги всё, что увлекают с собою, они нарастают громадными, безобразными кучами, среди которых вы замечаете обломки и развалины того, что они увлекли в своём стремлении. Ужасен шум, с Которым напирают льдины одна на другую, и поразительна сила, движущая эти огромные массы, разрушающая их на мелкие куски и воздвигающая из них целые горы!.. Смотря на эту картину, вы спрашиваете сами себя: неужели это та Кинешемка, которая в другое

время года так невинна, что не в силах погубить никакого живого существа, и так скромна, что не замутит своей воды и при самых сильных ветрах и непогодах?..

Из всех вышеприведенных очерков и картин вы можете составить себе самое безошибочное понятие, что кинешемское общество и летом может проводить время не скучая, в беспрестанных прогулках по очаровательным местностям, где имеет возможность вполне наслаждаться природой и вдохновляться её поэтическими красотами. Но по правде сказать: кинешемское общество скучает летом и с нетерпением ждёт зимы. Тогда оно оживает, тогда начинаются вечера, собрания, гремит оркестр, плавают стеариновые свечи, экипажи беспрестанно перекрещивают город в разных направлениях, и единственная галантерейная лавка, с помощью весьма немногих других лавок, предлагающих вам, рядом с красными деревенскими платками, серенький тарлатан и толстое, от 6 руб. ассигн., сукно, не в силах уже удовлетворить развивающихся требований цивилизованной жизни.

Торговля Кинешмы, нам кажется, достаточно определяется следующими цифрами: В городе и его уезде в настоящее время считается: 3 почётные гражданина, 11 купцов второй гильдии и 50 — третьей. Главная торговля, которою занимается город — хлебная, и потому хлебом наполнена большая часть лавок; в оборотах этой торговли находятся сотни тысяч. В городской пристани на Волге, летом, вы заметили уже большую коноводную машину, несколько мокшанов, расшив и барок: всё это употребляется для той же хлебной торговли. Некоторые из купцов покупают хлеб в зерне и потом превращают его в муку на своих собственных мельницах, которые вообще называются — крупчатками. Торговля так называемым красным товаром, т. е. сукнами, шёлковыми, бумажными и шерстяными материями, весьма ограничена, так что не в силах удовлетворить потребностей города, и в некоторые средние торговые дни, а также и на ярмарки, с этим товаром приезжают иногородние купцы, между которыми самое видное, если не самое важное, место занимают судиславцы, т. е. торговцы заштатного городка Костромской губернии — Судиславля. Вообще городок не в силах удовлетворять всех потребностей своих жителей, а потому ярмарки составляют его важную и необходимое условие.

В Кинешме бывают две ярмарки: одна в июне месяце менее значительная, которая продолжается около недели, другая — Воздвиженская, которая начинается 14-го сентября и тянется вплоть о октября месяца. На этих ярмарках между прочим важную роль играет торговля

продуктом собственной промышленности города и его уезда. Промышленная деятельность эта весьма хорошо выражается самим гербом городка, на котором изображены два свёртка полотен. В самом деле, большая часть рук в городе и его уезде занята полотняным производством. Так, в городе почти каждая мещанка, в то время как муж её занят какою-нибудь мелкою торговлею или каким-нибудь ремеслом, — употребляет всё своё время преимущественно на то, что прядёт пряжу, ткёт из неё полотна, белит их и потом продаёт. В уезде, почти в каждой деревенской избе, вы найдете несколько рук, если не постоянно, то по крайней мере в свободную от других трудов время, занятых этим же производством, и в Кинешемском уезде вы можете проследить это производство от самого простого грубого стана и самого толстого холста до сложной машинной фабрикации и самого тонкого, камчатного столового белья, обратившего на себя внимание даже на всемирной выставке (в производстве г. фон Менгдена).

Само собою разумеется, что фабриканты продают свои произведения известным лицам и в большом количестве, но для мелочных производителей городские ярмарки, на которых они могут сбывать полотна, представляют большую важность, вследствие чего на каждой из этих ярмарок есть определённые дни, в которые производится сбыт полотен, называемый обыкновенно новинным бором. Процесс этого бора весьма интересен.

Новинный бор составляет резкую особенность кинешемских ярмарок, но, может быть, вы желаете поближе и покороче познакомиться с их физиономией. Она незамысловата, незатейлива и весьма похожа на физиономию ярмарок в других уездных городках. Самая значительная ярмарка в Кинешме — сентябрьская, Воздвиженская, а потому всё то, что мы будем говорить о ней, будет столько же относиться и к июньской, только в меньших размерах.

Предварительно, на площади города и всех его площадках, обозначаются центральные точки будущего ярмарочного движения и гулянья — строятся питейные дома, балаганы для приезжих купцов и для разных увеселительных представлений. До 17-го числа сентября ярмарка ещё не открывается, купцы ещё только раскладываются и готовятся к ярмарке. Накануне 14-го числа в городе собирается много народа и преимущественно женщин из окружающих деревень для того, чтобы помолиться празднику; но после обедни этого дня все расходятся по домам, и гулянья в тот день не бывает 17-го числа поутру служат молебны в рядах города, после чего ярмарка открывается

новинным бором; флаг, вывешенный на высоком шесте, водружённом в каменный столб, на площади, означает это открытие ярмарки и колышется в воздухе до самого её окончания. Дня через три всё в полном разгаре и движении. Много народа на площади: здесь два балагана привлекают общее внимание. Один из них деревянный или, лучшие сказать, лубочный, вероятно, похожий на тот лубяный, который строила себе хитрая лиса в известной русской сказке, другой — холстинный. На каждом из них висят картины с фантастическими изображениями того, что представляется в самих балаганах. Около этих балаганов постоянно толпится любопытный и весёлый народ. Кроме этих увеселительных балаганов в Кинешму на ярмарки приезжают иногда различные панорамы восковые фигуры с не переменным изображением Соломонова суда на которые с таким жадным любопытством и бессознательным страхом смотрят маленькие дети. Заглядывают сюда также, хотя и изредка, волтижёры с своею неизбежною маленькою лошадкою кушающею у стола, и со столько же неизбежною пятилетнею девицею Розой или Амалией, которая делает на седле различные па и представляет иногда амура с крылышками, и, наконец, с заключительным скаканьем через обручи, сабли, пирамиды из людей» фейерверки.

Все эти зрелища с удовольствием посещаются юным поколением Кинешмы, вызывая иногда сочувствие и от более зрелого. Тут же, рядом с описанными балаганами, высятся горы репчатого лука благоуханные испарения которого на далёкое пространство заражают воздух. Далее, около городских рядов, открывается несколько на скорую руку построенных лавок с разным товаром. Некоторые из них заняты хрустальною, фарфоровою, фаянсовою и просто глиняною посудой, среди которой непременно красуется несколько фигурок из фарфора, изображающих или турка с трубкою, или какую-нибудь деву, надевающую чулок на ногу, либо весьма грациозную пару, танцующую польку и пр., одним словом — таких фигурок которыми так любит украшать свои письменные столы холостая молодёжь и о которых всегда невыгодно отзываются супруги, находя их в кабинетах своих мужей. Далее две или три лавки с куклами. Толпа детей с маменьками или няньками постоянно наполняет их: один ребёнок показывает на миниатюрный барабан, другой тянется к самому барабанщику, готовому ударить в свой инструмент по первому желанию покупателя, третий требует большой деревянной лошади, и родительская любовь, видя в сыне будущего храброго наездника, покупает лошадь, а четвёртому чрезвычайно приглянулся медведь, прыгающий на задних лапах с своею

неизбежною спутницей — козой; лавки с куклами бывают всегда полны народа и широкою рукой ведут свою торговлю. Далее вы находите одну галантерейную лавку из Костромы и одну с чаем и сахаром из Ярославля. Судиславцы, о которых мы уже говорили, всегда являются с своим красным товаром. Иногда появляется и фортушка, особенный род лотереи, где деревянный шарик бегаёт по вращающемуся горизонтальному кругу, разделённому на полосы, из которых одни занумерованы и доставляют выигрыш, другие не дают его. Шарик, упадая на ту или другую линию круга, указывает выигрыш или проигрыш. Эта фортушка — необходимая принадлежность всех губернских и большей части уездных ярмарок. Купцы, которые рядом с торговлей занимаются и этим промыслом, владеют особенною способностью в выгодном свете располагать свой товар так, что, когда вы входите в такую лавку, где находится фортушка, вы непременно захотите попробовать счастья и понадеетесь выиграть за гривенник какой-нибудь серебряный подсвечник или дорогую лампу, или роскошную чайную чашку, а выйдет, что вместо их достанется вам или круглая табакерка с пастушкой, нарисованною на её крышке, которая служила подножием подсвечника, или палочка сургуча, которая скрывалась как-то незаметно под лампой, или крошечная фарфоровая собачка, которая покоилась на дне роскошной чашки, перекинувши чрез её борт свой билетик с номером. Но, тем не менее, многих увлекает эта игра на счастье, и многие часто довольно дорого платятся своим кошельком за это увлечение.

Сверх товаров, занимающих лавки, многое продаётся на открытом воздухе, на рогожках, под кровом одного неба: так, например, деревянная посуда, простая глиняная, а также красная глиняная посуда, так называемая — балахнинская и пр. в этом роде. О столиках и шатрах, на которых и под которыми производится продажа разных сластей, необходимых при каждом народном сборище, считаем излишним говорить.

Ни одна из лавок, ни одна из рогожек, ни один из шатров и столиков не остаются без покупателей. Всё городское и уездное население заботится о том, чтобы запастись на целый год всем тем, чего нельзя достать в обыкновенное время. В город съезжается большая часть помещиков: иные из них оставляют свои усадьбы на всё время ярмарки и поселяются в городе. Тогда-то в одной целой и оживленной картине вы можете подметить особенности помещичьей жизни, изучить ее в оригинальности языка, наружности экипажей и костюмов.

Первое воскресенье в ряду дней ярмарочных называется гулящим. На этот праздник крестьяне съезжаются в город весьма издалека, и вся площадь, всё пространство, занятое ярмарочными зданиями, наполняется народом — весёлым, счастливым, беззаботным, русским народом, который хочет повеселиться на славу. Всякий мужичок, всякая баба захватывают с собою из дому какое-нибудь произведение своих трудолюбивых рук, с тем чтобы продать его и на вырученные деньги — погулять, а потому в этот день можно купить всё чрезвычайно дёшево. Этим случаем пользуются некоторые спекуляторы из купцов: они становятся у разных въездов в город и скупают у подъезжающих крестьян всё, что только они везут с собой на продажу: грибы, сушёные и солёные, масло коровье, деревенского производства холстинки и пр. Всё это достаётся им менее, чем в половинную цену. В гулянье этом принимают участие и кинешемские посадские, т. е. мещане, их жёны и дочери. Каждая девушка, каждая молодница старается заработать себе к этому дню лишнюю копейку, и даже не считается в грех и в оскорбление, если, ради этого гулянья, дочка у матери и сноха у свекрови утаит несколько аршин холста или несколько повесм льна, или две или три пасмы ($\frac{1}{5}$ часть мота) пряжи. После полудня, когда весь привезенный крестьянами товар уже продан, начинается настоящее гулянье. Весёлый люд смотрит на паяцов, забавляется и хохочет от всей души. Впрочем, характер гулящего воскресенья в дальнейших чертах его мы уже знаем. Во время ярмарки бывает только гораздо живее, шумнее, веселее; но над всем этим шумным говором толпы поднимается один визгливый, раздражающий уши, писк и визг деревянных и глиняных дудок, которыми добрые крестьяне наделяют вместе с пряниками своих ребятишек. Весело, беззаботно гуляет русский мужичок. Любит он весёлую пировню под открытым небом, любит шумную речь, полюбовную в самой ссоре. Всю суму свою вытрясет он на гулянье, ничего не оставит за душою, да ведь за то и на душе-то у него нет ни одной задней мысли: всё открыто и чисто. Ночь спускается на город, и лавки закрываются, а шумная толпа ещё веселится, и напрасно силится проводить её домой строгий блюститель порядка. «Не замай нас, — говорят ему, — сегодня гулящее воскресенье. Завтра уж сюда небось не приедем» Темной на улицах, и свечи горят в домах, и площадь опустела, а на выездах, у привлекательных зелёных ёлок, ещё стоят десятки телег и совершается последнее весёлое прощанье. А там заломит мужичок свою шапку, бросится в телегу, запоёт песню, потом всхрапнет, а лошадка уж знает свое дело и привезёт хозяина прямо к его дому.

Несмотря на большой съезд помещиков во время ярмарки, в городе никогда не бывает общественных удовольствий, то есть собраний, вечеров и танцев. Причину этому мы не можем полагать ни в чём другом, кроме того, что хлопотливые хозяйки и заботливые маменьки совершенно поглощены в это время различными многочисленными закупками, да к тому же тогда ещё не окончилась рабочая пора в деревнях: следовательно, до танцев ли тут? Во многих домах в продолжение всей ярмарки часто целый день не сходит со стола самовар, потому что беспрестанно пробуются разные сорта чая, выбираемого для годового запаса.

К Воздвиженской ярмарке в Кинешму привозятся Волгою в большом количестве яблоки, апельсины и лимоны. Вообще Волга есть главный путь, по которому доставляется в Кинешму большая часть необходимых для неё продуктов. Волга же непосредственно доставляет Кинешме разного рода вкусную рыбу: стерлядей, лещей, судаков, щук, ершей, налимов и пр. А потому в Кинешме есть несколько промышленников, исключительно занимающихся рыболовством. Впрочем, в последнее время лов рыбы заметно уменьшился, и рыба вздорожала, однако и теперь ту стерлядь, за которую, например, в Москве платят 10—20 целковых, в Кинешме можно купить за 2—4 рубля сер., а живую, только что изловленную стерлядку, в четверть аршина длиною, и теперь можно купить в Кинешме за 5 к. сер. Вообще, сравнительно, рыба здесь весьма вкусна и дешева, но в 60 верстах ниже, под Юрьевцем, лов её ещё значительнее и она ещё дешевле. Прочие продукты хозяйства сельского или просто хозяйства самой природы в Кинешме можно приобретать весьма дёшево, как-то: различные лесные и полевые ягоды, грибы, дичь, дрова, коровье масло, сено и солом, и самый хлеб. Всё это родится в изобилии в Кинешемском уезде и привозится в город в большом количестве. Кинешемские хозяйки попотчуют вас, столичный житель, такими вкусными отварными в уксусе грибами, такими вареньями и наливками, каких вы, вероятно, никогда не кушали и никогда не достанете ни в одном из ваших *magazins des comestibles* и кондитерских. Угодно ли, я перечту вам все, какие рождаются и потребляются в Кинешме грибы и ягоды? Послушайте: многих названий вы, может быть, даже никогда и не слышали. Грибы: белые, серые, боровики, рыжики, грузди, свиари, иначе губы, или отварушки, сыроежки, иначе поплавки, маслята, волнушки, валуи, матрёшки, дуняхи, и раннею весной — сморчки и стройки — грибы весьма вкусные, хотя и не совсем безопасные для здоровья. Опёнки не в чести и не в ходу, потому что для вкусного приготовления их требуется большое искусство.

Ягоды: самая первая и ранняя — земляника, потом черника, малина, костяника, гонобобель; в некоторых местах уезда ежевика, поленика и морошка, далее — черёмуха, рябина, брусника, клюква. Есть ещё весьма редкая, попадающаяся в малом количестве, весьма мелкая, сладкая без кислоты, ягода — медовка.

Мы уже не упоминаем о ягодах садовых, более или менее общеизвестных. Ягоды и грибы продаются чашками, лукошками и корзинками почти за ничто. Сушёные и солёные грибы продаются весом или мерою. В урожайный год сушёные белые грибы продаются по 15 к. сер. за фунт и даже дешевле: ведро мелких солёных груздей стоит до 30 к. сер. а свинарей — около 20 к. сер. Дичи в Кинешемском уезде весьма много. В городе можно, например, купить в известное время года пару хороших крупных рябчиков за 8 к. сер., самого большого жирного зайца за 5 к. сер. Масло коровье в хорошие годы продаётся за фунт по 10 к. сер., но иногда доходит и до 15 к. Кинешемский уезд может быть отнесён к лесистым уездам Костромской губернии, а потому и дрова в городе дешёвы: сажень березовых продаётся около 4 р. 50 к. асс., а осиновые стоят половину. Сено в Кинешме продаётся большею частию возами, а не на вес, так что воз, пудов в 20, стоит рублей 5 асс. Хотя уезд Кинешемский не может похвалиться плодородием своей почвы, но между тем хлеб в зерне, привозимый в город крестьянами, продаётся недорого, и особенно овёс, который если покупать на базаре, по местному выражению — узлами, т. е. в розницу, по мелочи, из разных рук, обходится в покупке от 3 до 3 р. 50 коп. асс. четверть. Кинешма терпит лишь один недостаток, недостаток в хорошей говядине. Черкасской говядины в городе невозможно достать ни за какие деньги, продаются лишь обыкновенная и весьма дёшево; но она не так вкусна. Зато большое изобилие и дешевизна телятины. Обыкновенного телёнка можно купить по 5 к. асс. за фунт, хорошего, жирного — по 3 к. сер., а самого лучшего, какой только там возможен, шестинедельной пойки, по 4 и 5 к. Впрочем, надобно заметить, что здесь нельзя достать такой телятины, какою мы лакомимся в столицах, платя баснословные цены, которым ни за что не поверит постоянный уездный житель.